

Глава 28. Хроники Маленькой черепашки (часть вторая)

4-6 лет

Сцена первая

Дни летели, сменяя друг друга, и в их неумолимом беге Сяомань подрастал. Жизнь в доме тоже понемногу менялась.

Первой перемены коснулись мамы. Раньше она часто распекала и папу, и его самого, но стоило отцу и сыну, хитро переглянувшись, начать наперебой расхваливать её красоту или приняться разминать ей плечи (этому приёму Сяоманя научил отец), как в семье тут же воцарялся мир.

Однако в последнее время мама перестала бранить их. Она сделалась молчаливой, почти не улыбалась отцу, а её взгляд всё чаще застывал в пустоте. Как-то ночью Сяомань проснулся от того, что на лицо ему упало что-то холодное. Открыв глаза, он увидел маму: её веки покраснели, а в глазах стояли слёзы. Мальчик перепугался, не понимая, что случилось.

— Мама, мама, ты чего? Кто тебя обидел? — Сяомань принялся поспешно вытирать катившиеся по её щекам слезинки.

— Сяомань, ты любишь маму?

— Конечно люблю.

— Тогда помоги мне, ладно? — Сюй Мань всхлипнула, закрывая лицо руками. — Поговори с папой... попроси его больше не делать глупостей...

Сяомань в отчаянии тряс её за плечи, пытаясь утешить, но он был слишком мал и не знал, что сказать.

— Папа! Папа, ты где?! — закричал он, заливаясь слезами. — Скорее иди сюда! Мама плачет! У-у-у, а-а-а!

Внезапно Сюй Мань с какой-то яростной силой оттолкнула его обратно на кровать.

— Ни слова о нём! Слышишь?! Не смей его звать!

Она резко вскочила и выбежала из комнаты, даже не оглянувшись. Сяомань остался один в ночной тишине.

— Папа... мама... мне страшно...

Сцена вторая

На следующий день Сяомань, прикинув к дверной щели, слушал разговор родителей.

— Как ты мог?! — голос мамы дрожал от гнева. — Виноват передо мной, но ребёнок-то в чём провинился? Как ты мог оставить его вчера одного на всю ночь? У него же глаза от слёз опухли!

— А ты сама где была?! — отец сорвался на крик. — Скажи! Ну же!

— Тише ты, — Лу Цзивэнь, глядя в воспалённые глаза жены, мгновенно сник. — Не кричи, ребёнок услышит.

— А-а, — в голосе Сюй Мань послышались истерические нотки, не то смех, не то плач. — Творишь такое бесстыдство, а мне — «тише»?!

Наступила долгая, тяжёлая тишина. Казалось, в доме замерло даже дыхание.

Сяомань, подгоняемый необъяснимым страхом, толкнул дверь и подошёл к родителям. Он заглянул в лицо отцу, стоявшему с понурой головой, и робко коснулся его руки. Папа, чьи глаза тоже были красными, улыбнулся ему — точь-в-точь как прежде. Мальчик успокоился и улыбнулся в ответ.

Лу Цзивэнь погладил сына по голове и выудил из кармана бумажный юань.

— Сяомань, — голос отца звучал непривычно торжественно, — у меня для тебя важное и крайне ответственное задание. Принимаешь?

— Принимаю! — Сяомань вытянулся в струнку, не сводя глаз с купюры.

Это была их давняя игра: отец, словно партийный наставник, давал юному активисту Лу Сяоманю серьёзные поручения. Иногда нужно было выучить стих, иногда — сделать массаж маме, а иногда, как сейчас...

— Сходи в лавку у ворот и купи на этот юань соевого соуса. Справишься?

— Справлюсь! — Сяомань схватил деньги, помахал родителям рукой и, вооружившись пустой бутылкой, припустил вниз по лестнице.

... Вернувшись, он с гордостью вручил отцу покупку и выпятил грудь, ожидая похвалы. Папа, как и всегда, потрепал его по макушке.

— Молодец, задание выполнено. Десять баллов! — Но сегодня его голос звучал безжизненно.

Отец не подхватил его на руки, не закружил по комнате, а вместо этого медленно опустился на корточки прямо среди осколков разбитой посуды. Сяомань осторожно спросил:

— Папа, ты опять разбил тарелку и рассердил маму?

— Нет.

— Тогда... вы с мамой поссорились? — Сяомань недавно слышал от соседского мальчишки, что взрослые часто ругаются, и поспешил вставить умное слово.

Лу Цзивэнь резко поднял голову. В его глазах мелькнула растерянность.

— Ха-ха, ну что ты, глупенький. С чего нам с мамой ссориться? Это... видишь ли, мы решили участвовать в театральной постановке во дворе. Помнишь, я рассказывал? Когда люди выходят на сцену и разыгрывают историю, смеются или плачут. Вот мы и решили немного порепетировать дома. Понимаешь?

Сяомань неуверенно кивнул, косясь на осколки. Это был мамин любимый сервиз, который она и трогать-то им запрещала. Затем мальчик быстро замотал головой: мол, не совсем ясно.

— А, эти тарелки... — отец натянуто рассмеялся. — Пустяки! Завтра в управлении всё спишем как реквизит, и нам выдадут новые. Теперь-то понятно?

Мальчик усиленно закивал. Лу Цзивэнь смотрел на него долго, а потом медленно притянул к себе и крепко обнял.

— Сяомань, ты любишь папу?

— Люблю! — весело отозвался тот, недоумевая, почему сегодня все задают ему один и тот же вопрос.

— Настанет день, ты вырастешь... и наверняка перестанешь меня любить, — прошептал Лу Цзивэнь, будто обращаясь к самому себе.

— Нет, никогда! — Сяомань яростно затряс головой.

— Я не стану винить тебя. Но когда это время придёт... не ненавижь меня, хорошо? — Папа отстранился и взглянул на него с такой мольбой, точно был покинутым ребёнком. — Пообещай мне. Пожалуйста.

— Хорошо, обещаю! — поспешно закивал сын.

Лу Цзивэнь на мгновение замер, а потом вдруг улыбнулся:

— Раз Сяомань обещал, значит, когда я состарюсь, он меня не бросит, верно?

— Верно! — Мальчик кивал со всей серьёзностью, хотя и не понимал до конца, к чему этот разговор.

Но папа почему-то всё равно заплакал. Сяомань испуганно принялся вытирать слёзы с его лица маленькими ладошками.

— Папа, папа, что с тобой?

— Пустяки, — Лу Цзивэнь отвернулся. — Просто мы с мамой только что разыграли трагедию. Понимаешь, сын? Трагедию, которую я выбрал сам.

— Это... история, которую играют в слезах? — полушёпотом спросил мальчик.

— Да, — горько усмехнулся отец. — Сяомань у меня такой умный. Знаешь, сцена — место коварное. Иногда человек уходит с подмостков, а сердце его остаётся там, в вымысле. Вот и я плачу, потому что моё сердце ещё не сошло со сцены. Понимаешь?

Сяомань не знал, что ответить. Он коснулся пальцем мокрой щеки отца.

— Папа, значит... это всё было понарошку?

Лу Цзивэнь прижал его к себе так сильно, что голос его глухо зазвучал в детских объятиях:

— Нет, не понарошку. Просто это временно. Послушай, Сяомань: в этом мире есть два рода чувств. Одни — для жизни, как у нас с мамой, как у твоих дяди и тёти. Так живёт большинство. А другие чувства принадлежат сцене. — Он поднял глаза на сына. — Пообещай: никогда не ищи такой любви. Если кто-то предложит — улыбнись и откажись. Беги от неё, забудь о ней. Сколько бы восторга и радости она ни сулила, когда наступит неминуемый финал, всё обернётся трагедией. Понимаешь?

— Нет, — честно признался Сяомань. — О чём ты, папа?

Лу Цзивэнь поник:

— И правда, что это я... Совсем забыл, что ты ещё ребёнок. Глупец...

Они сидели, прижавшись друг к другу в тишине. Спустя время Сяомань тихонько спросил:

— Папа, а где мама?

...

— Она ушла.

Ушла? Сяомань решил, что она, должно быть, поехала к бабушке.

Сцена третья

Мама не возвращалась. Сяомань терпеливо ждал, загибая пальцы и считая дни. Папина еда была невкусной, щетина — колючей, а сам отец всё дольше просиживал за письменным столом. Вскоре по просьбе Сяоманя папа принёс из управления точно такой же сервиз взамен разбитого. Мальчик берёт эти тарелки: стоило им хоть немного запылиться, он тут же доставал их, до блеска протирал тряпкой и ставил обратно. Но мама всё не шла.

— Папа, где мама? — этот вопрос он задавал тысячи раз.

— Сяомань, — наконец, собравшись с духом, ответил Лу Цзивэнь, — твоя мама уехала в Америку.

— В Америку?

— Да. Это очень-очень далеко. Может быть, она никогда не вернётся. Сяомань, только не плачь, прошу... Прости меня, это я виноват. Не плачь... Хватит! Замолчи немедленно! Сяомань, умоляю, прости отца... Мне тоже больно, прошу тебя...

Сцена четвёртая

— Сяомань, ты чего такой довольный?

— Папа, смотри! — Мальчик протянул ему яркую пачку печенья «Малыш Медвежонок». — Попробуй, это Ли Фэн мне дал.

— Вот как? Ты только не мешай ему учиться.

— Не буду! Ли Фэн сказал, что наконец-то нашёл свой любимый способ отдыхать. Ха-ха, странный он какой-то.

...

— Папа, что с тобой? Папа, подожди меня! Не иди так быстро, папа!..

Сцена пятая

— Умерла? Папа... что это значит?

Лу Цзивэнь обнял сына за хрупкие плечи и тихо прошептал ему на ухо:

— Сяомань, хочешь плакать — плачь. Боль нужно выплескивать, иначе долго не проживёшь, понимаешь? Я буду рядом. Плачь.

...

— Почему ты не плачешь?

— Не знаю... Папа, значит, мама... она больше никогда не вернётся?

— Никогда, — голова отца скрылась в тени, лишь плечи судорожно вздрагивали.

— Папа, я не буду плакать, мне совсем не грустно. Правда. У-у... Ты тоже не грусти, ладно? Если больно — поплачь, папа, так надо, чтобы... У-у-у, а-а-а! Мама! Мама-а! Я так скучаю! Мамочка, не уходи! У-у-у...

Сцена шестая

Настала ночь Праздника середины осени — время воссоединения семей под полной луной.

— Сяомань, что с тобой? Ты плакал?

Мальчик поспешно вытер глаза и натянул улыбку:

— Вовсе нет.

Лу Цзивэнь тяжело вздохнул:

— Не обманывай меня. У тебя глаза опухли, как два грецких ореха.

— Папа! — Сяомань наконец не выдержал и разрыдался. — Они... они говорят, что у меня нет мамы! Но она есть! Есть!

Лу Цзивэнь молча смотрел на слёзы сына. Его лицо казалось каменной маской. Спустя вечность он вдруг слабо улыбнулся:

— Сяомань, на самом деле мама всегда наблюдает за тобой. Когда ты смеёшься — она радуется, когда плачешь — она грустит вместе с тобой...

— Правда? — Мальчик широко распахнул глаза.

— Конечно. Посмотри на луну — она там.

Отец указал вдаль, на сияющий полный диск. Тени от кратеров сплетались в причудливые узоры.

— Вижу! Вижу! — Сяомань в восторге захлопал в ладоши. — Папа, смотри! Она смотрит на нас, повернув лицо в профиль!

— Сяомань, ты... — Лу Цзивэнь вздрогнул, вглядываясь в лунные пятна.

А ведь и впрямь... если присмотреться, эти тени удивительно напоминали профиль Сюй Мань.

Сцена седьмая

— Сяомань, не жди больше. Они съехали.

Голос отца за спиной был тихим и невесомым, точно клочок ваты, который можно унести одним дыханием.

Мальчик крепче прижал к груди жестяную коробочку в виде мишки. Она долго стояла на подоконнике. Каждый раз, глядя на пустой двор и заросшие клумбы под окнами, Сяомань бессознательно хватался за этого «мишку» — давно опустевшую коробку из-под печенья «Малыш Медвежонок».

— Папа, почему Ли Фэн тоже уехал в Америку? Значит... те, кто туда уезжают, больше никогда не возвращаются? — по-детски наивно спросил он.

— Сяомань, я с тобой, забудь об этом, — мягко проговорил Лу Цзивэнь. — Скоро в их квартиру въедут новые люди. Может, ты подружишься с другим хорошим мальчиком.

— Угу.

Сцена восьмая

Даже такие нечуткие натуры, как Лу Цзивэнь и его сын, ощутили: вокруг что-то изменилось.

Стоило им выйти на улицу, как за спиной начинали шептаться и тыкать пальцами. Обернёшься — люди тут же отводят глаза с самым безразличным видом. Взгляды знакомых стали другими: в одних читалось презрение и брезгливость, в других — праздное любопытство, третьи и вовсе смотрели сквозь них, точно на пустое место, а когда их ловили за этим занятием, поспешно отворачивались, прикидываясь чужаками.

В те дни Лу Цзивэнь начал кашлять. Он кашлял напролёт ночи напролёт, порой до того, что не мог вдохнуть и мешком оседал на пол. Сяомань в ужасе подбегал к нему, легонько хлопая по спине.

— Папа, папа, ты заболел?

— Да... самую масть... кхе-кхе...

— Тебе больно? Пойдём в больницу, мама говорила — когда болеешь, надо к врачу.

— погоди, Сяомань... — сипел отец. — Ещё немного... подожди...

Сяомань не знал, что по ночам, когда он крепко спал, отец часами не мог сомкнуть глаз. Иногда Лу Цзивэнь подходил к его кровати и долго, не мигая, смотрел на его детское лицо, шепча в бреду:

— Лу Цзивэнь, тебе нельзя ломаться. Слышишь? У тебя есть Сяомань. Ты должен вырастить его... Ты должен увидеть, как он станет взрослым...

<http://bllate.org/book/17579/1713546>